

Базазян Елена Андреевна

Челябинский государственный университет

Институт права

Россия, Челябинск

elena.lena5555515@gmail.com

Bazazyan Elena

Chelyabinsk State University

Institute of Law

Russia, Chelyabinsk

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: в статье исследуется и даётся оценка появлению и развитию в отечественном законодательстве «цифровых прав» как нового объекта гражданского права. Автор анализируется эволюция развития института цифровых прав и его особенности, формулируются основные дискуссионные вопросы относительно явления цифровых прав. Высказывается суждение, что цифровые права на данном этапе развития технологий и норм их регламентирующих, имеют основание считаться самостоятельными, хоть и намеренно законодательно ограниченными в оборотоспособности.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданского права, цифровизация, цифровая экономика, цифровое право, цифровые объекты.

ABOUT SOME ISSUES OF THE INSTITUTE OF DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Annotation: the article examines and evaluates the emergence and development of “digital rights” in domestic legislation as a new object of civil law. The author analyzes

the evolution of the development of the institution of digital rights and its features, and formulates the main controversial issues regarding the phenomenon of digital rights. It is argued that digital rights at this stage of development of technologies and the norms governing them have reason to be considered independent, although deliberately legally limited in negotiability.

Key words: digital rights, objects of civil law, digitalization, digital economy, digital law, digital objects.

В последние десятилетия мир активно идёт по пути цифровизации всех сфер жизни общества, соответственно трансформации подвергаются и правовые отношения. Новая цифровая реальность нуждается в нормативно-правовом регулировании, так как появляются явления никогда ранее не существовавшие, в частности цифровая экономика.

Цифровая экономика формируется на основе цифровизации и соответственно имеет свою специфику, но всё же не может рассматриваться отдельно от остальной экономики и представляет собой лишь один из ее сегментов. Понимая важность и перспективность развития этого направления большинство стран в современном мире избирают курс на поддержку и расширения цифровой экономики, в том числе с помощью правовых инструментов.

Цифровые права как категория объектов гражданского права появилась в российском законодательстве в связи с принятием Федерального закона от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", вступившего в силу с 1 октября 2019 г [1]. Из анализа данного нормативно-правового акта можно сделать вывод, что почти все изменения, вносимые в Гражданский Кодекс РФ (далее ГК РФ) были направлены на модернизацию институтов гражданского права, их цифровизацию.

Главным изменением видится введение в ГК РФ статьи 141.1, посвящённой раскрытию термина «цифровые права» и регламентации основных условий использования этого нового объекта гражданского права, соответственно также были внесены изменения в статью 128 ГК РФ [2].

В редакции 2019 года цифровые права были отнесены к категории имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Можно также отметить, что в 2023 году законодатель дополнил эту категорию включением в неё цифровых рублей как одной из разновидностей безналичных денежных средств, что также говорит о понимании важности движения по направлению легализации вновь появляющихся цифровых явлений, и формировании в соответствие с этим национальной политики.

Соответственно, на сегодняшний день к объектам гражданских прав ГК РФ относит: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [2].

Если проследить эволюцию развития отечественного законодательства о цифровых правах, то можно отметить, что проблема нормативного определения цифровых прав активно разрабатывалась, начиная с марта 2018 года.

Самыми обсуждаемыми и дискуссионными положениями при рассмотрении законопроекта № 424632-7 (о цифровых правах), который и был позднее принят являлись следующие вопросы: формулировка понятия «уникальный цифровой код» и процедура перехода прав на него - было

принято решение не использовать; слишком широкое определение цифровых прав, которое могло спровоцировать как неясность что именно подразумевается под цифровыми правами, так и злоупотребления; исключение из законопроекта норм о легализации криптовалюты – что говорит о том факте, что система пока не готова к введению в оборот криптовалюты [5]. Все эти предложения представляются достаточно спорными и сегодня, так как имеются аргументы как за их включение в гражданское законодательство, так и против.

Авторы законопроекта подчёркивали, что невозможно игнорировать появление новых цифровых объектов и тот факт, что они уже используются как в России, так и за рубежом. Соответственно, введение их в правовое поле и регламентация - это лишь признание уже существующего положения вещей. Особо подчёркивалось, что законодательное урегулирование цифровых прав необходимо в первую очередь для того, чтобы защитить лиц, приобретающих подобные объекты, кредиторов и наследников, обеспечить их правовую защиту [7]. Но безусловно нельзя не отметить и тот факт, что принятие поправок о цифровых правах необходимо и для развития цифровой экономики, которая требует новых решений и новых подходов. Также нужно сказать, что в ГК РФ обозначен только вектор, направление и определены базовые положения, на основании которых можно осуществлять регулирование рынка новых объектов цифровой экономики. Технологические вопросы закреплены в ГК РФ не были.

После введения в законодательство положений о цифровых правах в науке гражданского права появилась дискуссия, в первую очередь о формулировке понятия цифровых прав и вообще целесообразности выведения их в отдельную категорию прав.

Отечественное гражданское законодательство рассматривает цифровые права как самостоятельный объект гражданского права, который обладает

особой спецификой, набором характерных только для него признаков. Но не все учёные цивилисты согласны с данным тезисом, многие из них высказывают противоположное мнение. Цифровые права рассматривается не как новый самостоятельный вид прав, а только как электронная форма закрепления имущественных прав.

С. В. Сарбаш говорит о том, что цифровые права – это форма уже существующего права (обязательственного, вещного и тд), и они лишь представляет собой метод оформления соответствующего правоотношения, а не его содержание [9]. Подобную точку зрения высказывают и другие авторы, утверждая, что формулировка цифровые права создает ложное представление о создании нового вида прав, когда на самом деле можно говорить лишь об особом новом способе фиксации права, тем не менее влияющем на свойства закрепленного права [6].

А. В. Асосков, высказывает позицию, что цифровые права наряду с бездокументарными ценными бумагами представляют собой способ удостоверения имущественных прав, и от ценных бумаг их отделяет цифровая специфика [9].

Но есть и учёные придерживающиеся мнения о том, что цифровые права являются самостоятельными и их введение в подобном качестве абсолютно оправдано. Они говорят о том, что цифровые права обладают уникальными признаками и особенностями, которые не присуще больше ни одному виду объектов, и именно наличие этой специфики и позволяет говорить об их самостоятельности [8].

Вторым спорным вопросом можно назвать вопрос относительно того факта, что цифровые права в ГК РФ понимаются в узком значении и легальное определение не охватывает все объекты, которые по своему функциональному назначению также подходят под категорию цифровых объектов. Но как уже было сказано выше, именно вопрос о необходимости сделать определение

цифровых прав максимально конкретным и стоял перед законодателем, так как при рассмотрении законопроекта критиковалось «слишком широкое» определения цифровых прав, законодатель умышленно сужал его, чтобы придать легализацию только тем объектам, которые, по его мнению, нуждаются в правовой защите и правовой регламентации. Поэтому, вопрос об увеличении свободы в этой сфере на данный момент не стоит. Можно отметить, что в законодательстве цифровые права намеренно были ограничены в оборотоспособности, это следует из анализа статьи 141.1. Сознательно было введено много ограничений, потому что цифровые права — это явление достаточно новое и недостаточно изученное, соответственно сложное для регулирования.

Вызывает споры, и сама дефиниция цифровые права, которая видится не совсем удачной. Во-первых, из-за достаточно условной самостоятельности таких прав, о чем было сказано выше. Во-вторых, из-за разночтений с международным пониманием цифровых прав, так как за рубежом под ними чаще всего понимают право на доступ и использование сети Интернет в самом широком смысле, а то, что в российском законодательстве понимается под цифровым правами, в международной практике именуется цифровыми активами. Но так как в России о цифровых правах как о правах человека нового поколения говорить пока не приходится, то единственным верным их толкованием представляется то, что описано в ГК РФ.

На сегодняшний день помимо ГК РФ основными законодательными актами регулирующие цифровые права являются Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ и Федеральный закон "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.08.2019 N 259-ФЗ. С 2020

года более не было принято никаких значимых законов о цифровых правах [3], [4]. Скорее всего это объясняется тем фактом, что следующий наиболее логичный и ожидаемый шаг – это введение в гражданский оборот криптовалюты, что в условиях сегодняшнего времени особенно актуально в экспортно-импортных отношениях. Но, с другой стороны, мы можем наблюдать активное развитие цифрового рубля, который собой тоже представляет развитие привычного института гражданского права в условиях цифровизации, но является более безопасным и простым в контроле.

Можно сделать вывод, что на данный момент существует несколько дискуссионных вопросов относительно регулирования цифровых прав: доктринальное определение дефиниции «цифровые права»; определение природы самостоятельности или несамостоятельности цифровых прав как объекта гражданских прав.

Дискуссии относительно целесообразности введения законодательной регламентации цифровых прав и развитию их в цифровом поле не имеется, так как в условиях новой цифровой экономики цифровые права представляют собой значимую ее часть.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что выделение цифровых прав в отдельную категорию объектов гражданских прав свидетельствует о признании их экономической ценности, а также важности защиты прав лиц, которые их используют. Цифровые права соответствуют всем признакам объектов гражданского права, но имеют особенности и специфические признаки, которые обусловлены их цифровой природой, поэтому необходимо учитывать это при дальнейшем их регулировании.

Сейчас институт цифровых прав находится на стадии своего формирования и становления. Поэтому, на данный момент их выделение в отдельный вид объектов гражданского права видится оправданным, так как аналогов ранее не было, сложно говорить о том, что цифровые права

представляют собой всего лишь форму закрепления иных прав, на нынешнем этапе развития как технологий, так и отношения к ним вариант выделения их в отдельную категорию кажется наиболее правильным. Возможно, далее этот институт, и в первую очередь его название трансформируется и цифровые права станут лишь одной из разновидностей уже существующего вида прав или способов оформления этих прав, но это может произойти только с течением времени и развития цифровой среды.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.

4. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.

5. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179-192.

7. Ефименко Е. Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах // URL: <https://pravo.ru/story/208294/>

8. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.

9. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31-54.